

Игорь Богомолов

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Рец. на: М. Рендл. The State versus the People: Revolutionary Justice in Russia's Civil War, 1917–1922. Oxford: Oxford University Press, 2020. 317 p.*

DOI: 10.31857/S0869568722060280, EDN: MOXTAC

Новые работы по истории советского правосудия и судопроизводства в годы Гражданской войны — явление достаточно редкое и уже потому притягивающее к себе внимание. Столетие Гражданской войны не изменило ситуацию, так как во многом этот вопрос остался в тени «юбилея» революции 1917 г., и большинство проблемных сюжетов рассматривались в контексте общего революционного процесса в России. В этом смысле обращение автора рецензируемой монографии, старшего преподавателя Экзетерского университета М. Рэндла,

к проблеме «революционной законности» именно в годы Гражданской войны выбивается из общего ряда «юбилейных» исследований. Выход этой книги, на мой взгляд, характеризует уже «постюбилейную» историографию, которая в большей степени фокусируется на классической хронологии российской революции и с куда меньшим рвением «перепрыгивает через революционный барьер» (выражение Р. Уэйда¹), выделяя 1917 г. и Гражданскую войну как периоды, достойные отдельного и более пристального изучения.

* Рэндл М. Государство против народа: революционное правосудие в Гражданской войне в России, 1917–1922. Оксфорд: Изд-во Оксфордского университета, 2020. 317 с.

Монография состоит из введения, шести глав и заключения. Во введении автор подробно характеризует причины редкого обращения российских и зарубежных исследователей к истории правосудия в первые годы советской власти. Учёные, по его словам, «сосредоточились на влиянии революции на право, а не наоборот, в то время как многие, похоже, предполагают, что право маргинализируется и даже разрушается в периоды серьёзных потрясений» (р. 4). Представление о российской Гражданской войне как времени беззакония прочно утвердилось в массовом сознании и весь последний век влияло на историческую науку. На это накладывались и более прозаические причины: закрытость советских архивов вынуждала западных историков полагаться в основном на официальные документы, а для отечественных учёных эти источники были первостепенными. «Архивная революция» 1990-х гг., безусловно, повлияла на ситуацию: появились работы о повседневной юридической практике, работе судов как в столицах, так и в провинции. Однако, как справедливо отмечает Рэндл, большее внимание всё равно уделяется позднеимперскому периоду как времени «реальной» независимости судов, самостоятельности процессов и возможности легально противостоять государству в правовом поле². Первые годы советской власти неизменно предстают неким антиподом, временем полного и окончательного разрыва с предыдущей правовой традицией, который вкупе с террором (как «красным», так и «белым») делает исследование судопроизводства едва ли не бессмысленным. Рэндл в своей монографии предпринимает попытку выйти за рамки этой традиции.

Название — «Государство против народа» — может ввести в заблуждение, отсылая к известной работе Н. Верта

«Государство против своего народа: насилие, репрессии и террор в Советском Союзе»³. Скорее Рэндл использовал это выражение как некий парафраз, иначе передавая его смысл. Главной задачей он считает показать не столько противостояние, сколько сложное взаимодействие нового государства с народом, живущим со старыми представлениями о мире в целом и правосудии в частности. В книге исследуется, как большевики использовали трибуналы в качестве «средства решения проблем, с которыми они сталкивались во время Гражданской войны», среди них — построение эффективного государства, борьба с угрозами и формирование нового общества (р. 19). Для решения поставленных масштабных задач автор использовал обширный круг архивных источников, в частности фонды ГА РФ, РГАСПИ, РГВА, ЦГА МО, коллекции документов Гуверовского института, Бахметьевского архива, Исследовательского института Гетти, Исследовательского института идиша (YIVO). К работе также привлечены сборники законодательных актов, многочисленные российские и советские газеты и журналы, кинохроника.

В первой главе подробно описывается создание советского революционного правосудия. Как и в других областях управления, у большевиков «не было четкого плана, и, следовательно, новая система создавалась поэтапно, в форме различных декретов и постановлений, которые реагировали на конкретные вызовы» (р. 22). С одной стороны, разрешённые Декретом о суде 24 ноября 1917 г. избрание неподготовленных судей, вмешательство общественности в судебные процессы, открытая политизация права и предпочтение в судебных решениях «революционному сознанию» представлялись многим современникам-юристам как крушение основ правосудия и правосознания. С другой стороны, Рэндл

подчёркивает, что большевики считали закон в первую очередь «инструментом, используемым правящими классами для защиты своих интересов» (р. 26). В условиях Гражданской войны Наркомюсту приходилось доказывать эффективность судебных процессов для свершения «революционного правосудия».

Созданные в декабре 1917 г. ревтрибуналы поначалу оказывались под огнём критики Москвы за медлительность, процедурную волокиту, увлечённость «мелкими» делами (грабежи, кражи, разбой, мародёрство, незаконное пивоварение), в то время как главной их задачей объявлялась борьба с контрреволюцией. Система ревтрибуналов стихийно распространялась на подконтрольной большевикам территории, создавая многочисленные разновидности судов («народный суд», «революционный суд», «народно-революционный суд», «революционный военный трибунал» и др.). ВЧК предлагало другие методы борьбы с контрреволюцией, отстаивало «быстрый, жестокий и часто произвольный ответ» на угрозы власти большевиков (р. 23). Конфликт между Наркомюстом и ВЧК продолжался с перерывами на протяжении всей Гражданской войны. Однако первоначальные опасения юристов, что правосудие будет заменено насилием, к концу 1918 г. ослабли. Несмотря на разрастание гражданского противостояния и большую роль ЧК, Ленин и его соратники отличали революционное правосудие от революционного насилия. Использование судебных процессов в конечном счёте позволяло «укрепить легитимность и авторитет большевиков, обеспечивая некоторую степень аутентификации их политических действий» (р. 23).

Во второй главе исследуется расширение сети и влияния трибуналов как средства укрепления государственной власти с конца 1918 г. Рэнделл от-

мечает, что большевикам требовалось «физическое присутствие» по всей России, чтобы иметь возможность донести революцию и её идеи непосредственно до народа. В этом смысле суды занимали особое место, являясь не только символом присутствия новой власти и её карательным инструментом, но также «интерактивным форумом, где люди могли взаимодействовать с государством, чтобы устранять ошибки и добиваться “справедливости”» (р. 60). Следуя этой логике, большевики в годы Гражданской войны распространили действие трибуналов на ключевые объекты военной и транспортной инфраструктуры. Для охвата отдалённых районов страны широкое распространение получили выездные сессии, проводившиеся (часто намеренно) в самых разных местах, вроде казарм, пароходов и деревенских площадей. Таким путём большевики пытались вывести трибуналы «за пределы абстрактных пространств и достичь мест, которые имели значение в повседневной жизни людей» (р. 61). Обратной стороной стало углубление организационных проблем, перераставших порой в ведомственные конфликты. К 1920 г. действовали фактически не зависевшие друг от друга военные, гражданские и транспортные трибуналы — разделение, сохранявшееся вплоть до конца Гражданской войны. По мере укрепления новой государственности и установления контроля большевиков над большей частью бывшей империи потребность в трибуналах уменьшалась, но не исчезла. Со временем они стали своеобразной формой «исключительного правосудия», иногда выходявшего за рамки системы народных судов и затрагивавшего важнейшие и наиболее чувствительные для новой власти дела.

В третьей главе рассматриваются преступления, на которые были нацелены трибуналы, изменение представ-

лений о контрреволюционной угрозе и её последствиях для государства. Сразу после Октября контрреволюция классифицировалась в относительно узких терминах: заговоры и саботаж, проводимые очевидными врагами. Однако в ходе Гражданской войны спектр угроз государства и революции значительно расширился за счёт экономических и социальных проблем. В контрреволюционеры записывалась не только «буржуазия», но и «обычные» люди, занимавшиеся спекуляцией и бандитизмом, дезертировавшие из армии и совершавшие служебные преступления. Это имело «значительные последствия для более широких отношений между государством и обществом» (р. 20).

В четвёртой главе Рэндл подробно анализирует ход судебного процесса: передача дела в суд, процедуры, статистика приговоров, социальный состав судей и юристов. В столицах в годы Гражданской войны быстро росла нагрузка на трибуналы и народные суды, из-за чего многие дела рассматривались поверхностно, процессы затягивались на месяцы и даже годы. Хотя трибуналы были прежде всего карающим инструментом, их перегруженность и отсутствие достаточного числа мест заключения вынуждали использовать различные виды наказаний, не связанные с лишением свободы. Остро стоял кадровый вопрос, особенно в провинции, где и до революции не хватало юристов. Наркомюст ожидал, что судьями будут члены партии, способные «защитить интересы революции и продемонстрировать революционное сознание» (р. 146). На практике же многие суды обращались к услугам «контрреволюционных элементов», для чего их иногда приходилось освобождать из тюрем. Особое место в этом «кадровом голоде» играли адвокаты, чаще всего — представители образованных слоёв, выходцы

из дворянского сословия и органов власти царского и Временного правительств. Их привлечение вызывало множество споров и дискуссий. Некоторые большевики считали, что даже прокуроры не нужны, поскольку это станет «нежелательным напоминанием о репрессивных царских судах» (р. 153). Однако возобладала точка зрения, что трибунал — это «оружие», которое должно находиться в умелых руках, в том числе и опытных прокуроров, обеспечивающих соблюдение процедуры, информирующих судей (зачастую не имевших юридического образования) и помогающих обвиняемым понимать закон и ход судебного процесса. Привлечение адвокатов и прокуроров показывало, что со временем большевики стали рассматривать суды как «дискурсивный общественный форум, на котором государство формулировало свое видение революции, атаковало альтернативные взгляды, классифицировало преступления и использовало принуждение и убеждение». Судебные процессы «проецировали государственную власть и идеологию, в то время как их публичный характер и степень непредсказуемости создавали ощущение легитимности» (р. 179).

Пятая глава посвящена амнистиям и досрочным освобождениям — характерной черте и неотъемлемой части революционного правосудия в годы Гражданской войны. Автор не склонен рассматривать эти шаги как проявления только лишь сострадания. Милосердие служило рядом целей, которые Рэндл называет «холодно логичными». Амнистии снижали нагрузку на пенитенциарную систему и были полезным средством, например, для борьбы с волнениями в сельской местности, возвращения дезертиров в армию или досрочного освобождения ценных специалистов. Эти «холодно логичные» действия «трудно

поддаются количественной оценке», хотя Рэндл приводит приблизительные данные о первых советских амнистиях в разных регионах России и СССР (р. 202, 203, 215).

В шестой главе повествуется об особенностях освещения раннесоветских судебных процессов в прессе, иллюстрациях, фотографии и кинохронике времен Гражданской войны. Как отмечает автор, «воспитательная роль закона неотделима от его карательной роли, и каждое правовое постановление посылает сигнал преступнику и обществу в целом... Эта воспитательная роль обычно ещё сильнее в правовых системах авторитарных режимов, где желание отправлять чёткие политические и социальные послания часто имеет приоритет над поиском истины и справедливости» (р. 220). Вполне осознавая «воспитательную» роль права, большевики уже в первые месяцы после прихода к власти озаботились широким освещением судебных процессов в печати. В.И. Ленин видел в приговорах судов прежде всего послание, подлежащее распространению, и его мнение разделяли другие лидеры партии. Л.Д. Троцкий, к примеру, часто критиковал газетные отчёты о прошедших процессах, вырванные из контекста и потому подающие неправильные послы: читатель, не зная обстоятельств дела, видел нелогичные, слишком мягкие или слишком суровые приговоры. По мнению Троцкого, суды должны были иметь в виду «широкие массы» и их уровень образования, а газеты — добавлять в отчёты смягчающие обстоятельства, чтобы сделать обоснование приговоров более понятным для читающей публики (р. 225). Продвижению «воспитательной» роли закона поначалу препятствовали также технические факторы: качество печати и фотографии, развитие киноиндустрии, низкие тиражи газет и журналов. Процесс над

эсерами в 1922 г. стал «значительным шагом вперед для популяризации революционного правосудия», однако оказалось трудно найти «однозначно успешную формулу для обнародования судебного процесса, который длился так долго» (р. 259).

Благодаря привлечению большого объёма источников, в особенности провинциальных, монография М. Рэндла открывает с новой стороны развитие правосудия в 1918–1922 гг. Автор показал сложную картину взаимоотношений Наркомюста и ВЧК, неоднозначное отношение большевиков к судебной системе, её роли в становлении нового государства. Сосредоточившись не на фактах репрессий и красном терроре, а на организации правосудия в годы Гражданской войны, Рэндл обозначил институциональные и идеологические основы советского правосудия, показал повседневные практики судов в разных регионах страны. В конечном счёте это позволило показать истоки «показательных» процессов и Большого террора 1930-х гг. Автор отмечает, что после Гражданской войны «роль закона как инструмента политического и социального контроля оставалась значительной, поэтому институты и практика, обсуждаемые в этой книге, несомненно, обеспечили основу и опыт, которые способствовали показательным судебным процессам, лагерям ГУЛАГа и террору более поздних периодов» (р. 271). Возможно, следовало более подробно остановиться на работе судебной системы в феврале–октябре 1917 г. и ранее, в годы Первой мировой войны. Рэндл коснулся этих вопросов лишь вскользь, но они определённо могли бы дополнить картину развития «исключительного правосудия» и «революционной законности» в России ещё до прихода большевиков к власти. Тем не менее рецензи-

руемая монография вносит большой вклад не только в изучение правосудия в годы Гражданской войны, но и всей советской системы на стадии её становления.

Примечания

¹ *Wade R.* The Revolution at One Hundred: Issues and Trends in the English Language Historiography of the Russian Revolution of 1917 // Jour-

nal of Modern Russian History and Historiography. Vol. 9. 2016. № 1. P. 35, 36.

² *Hasegawa T.* Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd. Cambridge, 2017; *Frame M.* Concepts of Policing during the Russian Revolution, 1917–1918 // Europe–Asia Studies. Vol. 68. 2017. № 10. P. 1654–1671.

³ *Werth N.* A State against its People: Violence, Repression, and Terror in the Soviet Union // The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression. Cambridge, 1999. P. 33–268.